

О РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!

В газете «Орловские вести» был опубликован перевод «Слова о полку Игореве», осуществленный Леонардом Михайловичем Золотаревым. До сих пор известно немало вариантов гениального памятника древнерусской культуры. Это точный перевод В.А.Жуковского (многостопный гекзаметр), более вольный – А.Майкова (пятистопный хорей с неточной рифмой), переводы Н.Гнедича, К.Бальмонта. Существуют также переводы Н.Заболоцкого, украинских поэтов Т.Шевченко, В.Сосноры, белорусского поэта Янки Купалы, польского поэта Ю.Тувима, на немецком языке – Райнера Рильке, на французском – Филиппа Супо, наконец, перевод – поэта-орловца – В.Катанова (короткий четырехстопный хорей) и другие.

В руки Л.М.Золотареву попал прозаический перевод «Слова о полку Игореве», сделанный академиком Д.С.Лихачевым. Поэта-орловца не могли не порадовать точность этого перевода, идентичность его с древнерусским текстом и в то же время его поэтичность, разнообразие ритма, единство формы. В основе переводчик уловил у Д.С.Лихачева разнообразный, свободный ритм и, используя перевод в прозе академика в качестве подстрочника, сумел создать еще один оригинальный поэтический перевод этого величайшего древнерусского литературно-художественного памятника (рифмованный, свободный, так называемый «белый стих», «верлибр»).

Почему же поэты разных поколений, эпох обращались к «Слову»? Почему обращаются в наше время? Что они ищут в «Слове» и что находят?

«Слову о полку Игореве» уже сотни лет (1187г.). Но оно все молодо, все актуально, потому что в художественной форме выделяет главное: суть природы, сам дух, генотип нашего народа. В социально-историческом, геополитическом плане «это призыв к единению русских как раз перед нашествием татаро-монголов». Феодальная раздробленность Древней Руси, княжеские уделы – и вот они, половцы, на границах, а затем татаро-монгольское 300-летие, которое «иссушало, губило саму душу русского народа».

Вот и сейчас не та же ли ситуация, не тот ли силуэт эпохи? «Слово» вскрывает механизм раздробления русского народа, устанавливает причины «синдрома отторжения», – это боль плач певца-художника, патриота по Русской земле, вели-

кий и печальный урок всем нам, живущим после. Объединяемся и распадаемся, чтобы распасться, и так всегда. Круг за кругом, волна за волной. Российская государственность достигает своего апогея, чтобы затем, пусть даже и жемчугом, рассыпаться по золотой парче – огромному полотну евроазиатского континента. В Диком поле лежать, выживая, то двуглавым орлом, то рубином с серпом и молотом, – такова наша участь. «Синдром притяжения» сменяется «синдромом отторжения», и так, чередуясь во времени. Это и сделало из нас то, что сделало. «Слово о полку Игореве» – художественная фиксация, исторический опыт такой трагической смены, каждый раз грозящей смести с лика земного великий народ.

Как важно певцу сказать первое слово, протянуть ту золотую нить, из которой, возможно, и будет выткана золотая парча. Вместе с Бояном, а также с академиком Лихачевым переводчик-поэт ищет заветное слово:

«А не время ль, братья, нам начать?»..

«Так начнем же, братья, повесть эту...»

И вот золотая нить найдена. И потекло, полетело стремглав великое «Слово», и круг лексики так естественен, движение легко, свободно, как человеческое дыхание.

*«О Боян, всех времен соловей!
Вот бы кто мог походы воспеть.
Как по древу да между ветвей
До заоблачья словом взлететь.
Добывая нам славу времен,
По тропе по Трояновой рыща,
Внук Велесов на этом встоен,
Песнь про Игоря в сердце отыщет».*

И тут же следует изменение ритма Боянова сердца, другая песня – песня в песне, является белый, свободный стих.

*«Не буря ветер носит,
Не соколы летят,
А стаи черных в просинь –
Галчиные кричат,
Бегут землю с криками
И все к Дону великому».*

И плавно переходит все это в характеристику курян-воинов, вновь сейчас, как и когда-то, в те времена, оказавшихся на кроме Русской земли, на границе, но с чем – теперь уж не с Диким полем, а с Украиной, парадокс времени, - с той же самой древнерусской землей, то есть с самими собой. После поиска, как начать, когда фразы то «с конями за Сулой», то «со славой в Киеве» не укладываются в одинаковые размеры, следуют четко выстроенные катрены, словно скованные дисциплиной ряды курян-славных воинов.

*«Всеволода, брата своего,
Игорь ждет, и молвит брат любимый:
«Ты один свет сердца моего,
Мы же Святославичи, людины...»
А мои куряне – буйны воины,
Под огнем да трубами повиты,
Крепко сшиты, коли ладно скроены,
Под шоломом холены и биты.
Вскормлены с конца копья и вспоены,
Им пути неясные открыты.
И овраги знаемы, освоены,
Луки их натянуты, сердиты.
И колчаны полные отворены,
Их мечи отточены, изострены.
Кровью закаленные и горячи
На носу у половцев, на росстани».*

Автор «Слова о полку Игореве» и автор его перевода совпадают в своем устремлении дать описание с помощью точной лексики, краткими, выверенными словами. Это описание курян автор проводит с мельчайшими подробностями, с прозрачной ясностью, в желании охватить всю полноту сюжета, что связано с языком поэмы, который прекрасен. Военное снаряжение курян, воспетое вещим Бояном и передаваемое адекватным переводом, воспринимается как часть единого целого, общего монолита. Найденные словесные образы оттеняют психологию князя Игоря, душевный мир которого гармонирует с миром дружины. Белый стих, угаданный переводчиком, замещает голос Бояна, эпитеты и метафоры исчерпывают тему. Верно взята тональность, отсюда воздушность дыхания.

Каждое слово в поэме полнится емким, символическим смыслом. Сколько смешано жаргонов, каковы интонации! Переходы из публицистики в фантастику сна, из истории – в лирический плач, в батальные сцены.

В «Слове» угадываются фрагменты всевозможных размеров – от ямба до дактиля, антиспаства, анапеста, гармоничная пушкинская строка, ритмическая «лестница» Маяковского. Мощно подано центральное место поэмы – «золотое слово» князя Святослава. Исполненная скорби речь звучит пророчески, страстно. Переведенная – она содержит все элементы былого героического мира, адекватно отображенного перезодчиком современным поэтическим языком.

В предчувствии предстоящей трагедии речью отца звучит «золотое слово» Святослава:

*«О дети мои, вы, дети!
Ты, Игорь, и, Всеволод, ты!
Нет боли больше на свете,
Незрячее нет слепоты.
Обиду земле половецкой
Вы начали рано творить,
Искать себе славы по-детски,
Впустую мечом говорить».*

Богатство метафор («нет боли больше на свете», «впустую мечом говорить»), пластичность, лишенная каких-либо неясностей, выражают состояние князей и воинов, при отсутствии аллегории таких же простых и ясных в устремлении постоять за Русскую землю. И вот вслед за прямым обращением к князьям следует сетования по поводу свалившихся бед, меняется сама интонация «Слова».

Такая ясность, простота, когда наслаждаешься красотой эпитетов, метафор, в аллегориях постигаешь смысл обращения к нам сюда, современникам. Красоте перевода способствует разнообразие, просто калейдоскоп интонаций. Ритм сменяется ритмом, как ветер, меняется настроение, сама ситуация. Чтобы рассказать о событии, певцу приходится полагаться на свою память, это устное произведение, исполняемое перед аудиторией. Но это и объемное произведение, его невозможно исполнить в одной тональности, в одном ритме. Под гусли Боян беседует с людьми, с народом; варьируя мысль, автор меняет интонацию слова, дабы не упустить влияния, не утомить слушателей, не уронить себя как певца. И Л.М. Зо-

лотарев улавливает эту особенность времени, жанра, самого Бояна, его великого творения.

Послушайте в переводе Л.М.Золотарева знаменитый «Плач Ярославны». Это обращенное слово: как раскован белый, свободный стих, передающий настроение певца, как обращенно к человеку опирается фраза на удачно найденное «послушай».

*«Ярославна громко плачет
В Путивле, на городской стене, причитая:
«О ветер-ветрило! Зачем ты дуешь иначе,
Зачем ты веешь стрелы их, не считая,
Против воинов моего мужа?
Послушай!
Разве мало тебе под облаками реять,
На синем море корабли лелеять?
Зачем же, господин, все умея,
По ковылям моего ладу извезял?»*

Для сравнения приведем другие переводы знаменитого «Плача Ярославны».

Первые переводы. 19-й век.

В.А.Жуковский в своем переводе «Слова» довольно пунктуален, близок к тексту.

*«Голос Ярославны слышится,
На заре одиноко чечеткою кличет.
Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны
На отвердевшем теле его».*

А вот Н.Майков обращается с текстом более вольно. Кукушка у него оборачивается ласточкой, а «жестоце тело» князя становится белым, могучим.

*«Игорь слышит Ярославны голос.
Там в земле, не знаемой поутру,
Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я».*

*Омочу вербен рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его, могучем теле».*

Поэтичен перевод «Плача Ярославны», осуществленный поэтом Козловым, известным словами весьма популярного «Вечернего звона».

*«То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре,
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене.
Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу
И в Каяль-реке бобровой
Я рукав свой омочу».*

По словам украинского поэта В.Сосноры, это «чисто классический, прозрачный, нежный перевод, где даже звук «о» создает определенную музыкальную структуру».

Двадцатый век с его напряжением, жестокостью, нервными перегрузками рождает иной язык поэзии и с ним, естественно, иной язык перевода.

Вот как звучит знаменитый «Плач» у Н.Заболоцкого:

*«Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой.
Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровой опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу».*

Обратите внимание, с чего начинается «Плач» в этом переводе. С обозначения места действия не в Путивле, а на Дунае («Над широким берегом Дуная»). Именно сюда долетает из Путивля голос Ярославны молодой. Что это – вольность, прихоть переводчика или некое прозрение художника, о чем мы скажем несколько позже, заключая эту статью? А пока отметим, как широко, полетно подан Н. Заболоцким «Плач Ярославны» - от Дуная, Галицкой земли до Путивля, взмах крыла

кукушки от Дуная до Каяны-реки. Опять-таки обратим внимание, точка отсчета - все тот же Дунай.

И вот как переводит «Плач Ярославны» орловский поэт В.М.Катанов:

*«Слышат птицы, пролетая,
Утром рано над водой,
Слышат голос на Дунае
Ярославны молодой:
«Я кукушкою-зегзицей
Над Дунаем полечу.
Где Каяла серебрится,
Там рукав свой обмочу».*

А вот как заканчивает этот «Плач Ярославны» в своем переводе «Слова о полку Игореве» Л.М.Золотарев:

*«О трижды светлое солнце! Нет щедрее тебя, нет богаче,
Но зачем ты, владыко, простерло лучи свои, все облучая,
Против воинов моего мужа?
Послушай!
Зачем в поле безводном жаром луки скрутило,
Колчаны со стрелками горем заткнуло?
Так помоги, помоги же, владыко, дай мне силы,
Верни ладу моего из степей....»*

Как видим, Ярославна знает, к кому обращаться за помощью – к светлomu солнцу, которое вначале сулило дурное знамение походу дружины ее лады – князя Игоря, когда он

*«... на солнце светлое взглянул
И увидел тьмою круг покрытый»*

Такова одна из лирических сцен «Слова» Брянова. А вот не менее поэтичный сказ о бегстве князя Игоря из половецкого плена, где природа слита с человеком. Просты, безыскусны слова Бояна и слова переводчика соответственны:

*«Разыгралось море. Гонит тучи
К северу родному по одной.
Кто поможет, коль не может случай?
Поскорей из половцев домой»*

Стих переводчика создает особую атмосферу. Таинственна ночь побега, сам побег князя в этой ночи. И вот уже ритм этого бегства, иная тревога.

*«Гаснут зори. Игорь вроде спит.
А не спится Игорю, вздыхает,
Мыслями до Дона уж летит,
Путь к Дону крутому примеряет.*

*В полночь свистнул за рекой Овлур.
Вот и в поводу ведет коня.
«Князь, пора!» И вспыхнул буйный тур.*

*Загремел о травы на скаку,
Вежи половецкие проснулись.
Горностаи метнулись к тростнику,
Белый гоголь с уткой окунулись».*

Зримо все, на затаенном дыхании. Но вот в реалистические тона проникает аллегория, переводчик усиливает впечатление от побега князя сравнением соколиного его полета домой, на родину, к Русской земле.

*«Князем он держался до конца,
Соскочил на землю серым волком.
Побежал к излуине Дона,
Соколом взлетел под месяц ловко.
На ходу сбивая лебедей,
К завтраку, к обеду. И под ветер
Все летел, летел, боясь людей,
И Овлур был рядом незаметен».*

Поистине любованье словом! Просто прекрасно как звучит все это на современном русском языке!

Мы уже говорили о единстве целого, о монолите «Слова о полку Игореве», стройном, хорошо организованном с точки зрения композиции произведении, когда через всю поэму проходит эта знаменитая фраза «О Русская земля!». Вначале, перед походом князя Игоря, она как боль расставания, затем – уже на половецкой земле – как боль воспоминания, боль любви, преклонения. Эта фраза символизировала

рует единение всех русских. И вот как она, эта фраза, естественно переходит в финальную сцену. Вот как поэт-переводчик передает эту сцену в соответствии с Бояновым текстом, ни слова не уронив. Встреча князя Игоря по возвращении на родную землю – это праздник ритмов, блеск языка, народное празднество, это духовное очищение.

*«Князь Игорь во граде Киеве,
Идет по Боричеву ввысь,
Святой Пирогощей с гривной
Приди – поклонись.
И грады веселы, и рады поля,
Встречает князя Игоря
О Русская земля!
Да здоровы будут все люди,
Что голову за христиан положили!
Пели песни старым князем – дожили,
Молодым петь будем.
Слава Игорю Святославовичу,
Буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу,
Слава князьям и дружине!»*

И что тут прибавить к новому переводу этого вечного «Слова», осуществленному Л.М.Золотаревым? Это творение вешего Бояна привлекало и привлекать будет еще не одно поколение, покоряя сердце каждого русского своим историческим опытом, красотой слова и печалью предчувствий, искренней болью за Русскую землю. И все же этого для объяснения магии «Слова о полку Игореве» недостаточно. Возвращаясь к тому, что уже было сказано о знаменитом «Плаче Ярославны», к магнетической фразе, выражающей желание жены – лады князя Игоря полететь кукушкой с плачем на реку Дунай, попытаемся расшифровать ее глубокий, затаенный смысл. Почему именно на Дунай? Почему именно Ярославна? Почему полетит она именно кукушкой?

Безусловно, Ярославна для князя Игоря символизирует родную землю, это бесспорный символ семьи, рода, родины, родимой земли. Но почему сама Ярославна, чтобы отпеть своего горячо любимого мужа, должна лететь именно на Ду-

най? Н.Заболоцкий что-то тоже почувствовал, когда в своем переводе поглядел на Путивль глазами Ярославны оттуда, с Дуная. Не потому ли плач свой, душу свою посылает Ярославна на Дунай, а не обращается к той земле, на которой живет, к Путивлю, к Киевской Руси, что Дунай, земли Дунайские притягивают ее к себе сознательно или бессознательно? Туда летит кукушкой Ярославна, чтобы отпеть возлюбленного, упокоить свою и его, возможно, усопшую душу, именно там, на Дунае, главное место ее самой, лады, ее народа, там не Родина даже. Родина здесь, в Киевской Руси, там – **прародина**. Вот почему она летит именно кукушкой – птицей вдовьей, не имеющей здесь своего гнезда. А гнездо ее там, на Дунае. Откуда, вероятно, и пришли древние русичи и сели на Киевские земли, туда и ушел «воевати» и поставил новую столицу в центре своих новых владений ее сын – князь Святослав. Вот на что весьма, очевидно, намекает автор «Слово о полку Игореве» в этом своем знаменитом «Плаче Ярославны».

Там, на Дунае, на одной из окраин Древнеримской империи, и следует искать нам свои предкиевские корни, в том числе причины столь высокого уровня «Слова о полку Игореве», явившего столько непознанных, но угадываемых пластов. И здесь в будущем нас еще ждут свои, может быть, самые невероятные открытия.